

Скот местных торгоутов довольно состоятельного хошуна Бату выглядел холеным и сытым, кобылицы давали много молока для кумыса, и я ежедневно отправлялся в соседнее стойбище полакомиться этим прекрасным и полезным напитком. Здесь, мы совершенно случайно познакомились с одним новым для меня монгольским обычаем. Оказывается, после смерти главы дома, в течение сорока девяти дней, а у некоторых и более, монгольская семья не имеет права выносить чего бы то ни было из своей юрты. Поэтому и кумыс, который мы брали у вдовы богатого монгола, нам не могли приносить на бивак, и я должен был сам являться в осиротелую семью, где соблюдали строгий траур по покойном хозяине, и утолять жажду, не выходя за дверь его дома...

На берегу восточного рукава Эцзингола, в урочище Чжаргалантэ, экспедиция предполагала сделать небольшую остановку для расплаты с туземцами и местными властями. В общем, скорбный лист выражался в несколько сот лан серебра, которые я и поспешил переправить в ставку торгоутского бэйлэ. Этот владетельный князь, повидимому, избегал встречи со мною, боясь, что после посещения Лань-чжоу-фу и Гумбума мне стали известны некоторые действительно компрометирующие его факты; он ограничивался лишь заочными переговорами, приветствиями и различными услугами, с успехом выполняемыми по его поручению монгольскими чиновниками.

Только в последний день пребывания каравана в Чжаргалантэ торгоут-бэйлэ всё же не утерпел и неожиданно явился на бивак, в сопровождении подростка-сына и целого штата приближенных. Встреча наша была самая сердечная; я от души благодарил торгоутского управителя за его содействие нашим работам в Хара-хото, обещая князю исходатайствовать перед научными учреждениями Петрограда о пожаловании ему соответствующего подарка, а он с своей стороны восхищался русскими ценными предметами, поднесенными ему теперь на память.

Лучшая монгольская табакерка
(китайской работы).